

Disney

С любовью посвящаю
моему псу Гозеру

ГЛАВА I

Круэлла де Виль

Наверное, свою историю я могла бы начать отсюда, от Хелл-холла, где из тьмы рождались все мои чудесные планы. Но правильнее всё же, я думаю, будет вернуться к самому-самому началу или, уж во всяком случае, достаточно далеко назад, чтобы вы лучше смогли понять, что сделала меня такой, какой я стала. Не сомневаюсь, что всем вам хорошо известна история о тех щенках и тех проклятых далматинцах, а также их совершенно неинтересных, серых хозяевах, Роджере и Аните. Уверена также, что все вы как один переживали за них и болели против меня. Ну ещё бы! Ведь я монстр, чудовище, «женщина-дьявол» в натуральных мехах! Но даже если это так, то разве не имею я права сама рассказать о себе? Разве не знаю я историю своей собственной жизни лучше, чем кто-либо ещё? Причём это будет самая правдивая, самая настоящая история, уверяю вас!

И потрясающая, да-да, потрясающая, можете мне поверить! Итак, давайте начинать. Маэстро, сыграйте марш! На сцену выхожу я, Круэлла де Виль!

Тикают часики, крутят свои стрелочки назад. Тик-так, тик-так, и вот, мои дорогие, мне снова одиннадцать лет, и я живу в особняке моих родителей. Вы готовы пуститься вместе со мною в путь? Готовы? Тогда, как говорится, пристегните ремни, потому что гонка будет сумасшедшей. Бешеной будет гонка.

Итак, я жила тогда со своими мамой и папой в доме на Белгрейв-сквер. Это был огромный особняк — серый, мрачный, но вместе с тем величественный, с четырьмя массивными колоннами, на которые опиралась выходящая на площадь терраса. С неё было видно, как суетится вдали лондонская чернь, от которой мы были надёжно отрезаны. Мы жили на правильной стороне площади, в своём собственном тихом и уютном мирке, окружённом тенистыми парками и зеркальными прудами. В мирке, который принадлежал только нам одним.

Нет, разумеется, в нём мог иногда попасться на глаза слуга, полирующий медную ручку на крыльце, или сердитая нянька, волочащая за собой по парку отвратительного визжащего ребён-

ка. Мелькали изредка где-то на заднем плане не-
ряшливые старухи, торговавшие фиалками на той
стороне площади, кричащие мальчишки-газетчи-
ки и вечно спешащие мальчишки-рассыльные, но
все они оставались для нас совершенно безлики-
ми, почти невидимыми.

Для меня они, во всяком случае, настоящими
людьми не были никогда. Так, размытые серые
тени, не более того.

Да и наши собственные слуги скорее походи-
ли не на людей, а на безмолвные привидения, по-
являвшиеся из небытия только тогда, когда нам
было что-то от них нужно. Так что настоящими
людьми они для меня тоже не были. Живыми, на-
стоящими были только мама и папа. Ну, и я сама,
конечно, а как же!

Впрочем, некоторые из наших слуг всё же ка-
зались мне чуть более реальными, чем остальные.
Они постоянно мелькали у меня перед глазами
и были, пожалуй, уже не совсем слугами, а скорее
кем-то средним между прислугой и младшим чле-
ном семьи. Но к ним мы вернёмся позднее, когда
придёт время.

Как же сильно я любила мою маму, и моего
папу, и наш огромный дом с его хрустальными лю-

страми, роскошными обоями и полированными, накрытыми экзотическими коврами паркетными полами! А вы знаете, я, пожалуй, любила даже наших похожих на молчаливые привидения слуг, неслышно сновавших по дому и готовых исполнить любую нашу прихоть. Они всегда были здесь, рядом. Невидимые, готовые материализоваться по первому звону моего колокольчика.

Наш прекрасный особняк до сих пор остаётся одним из самых ярких моих воспоминаний, он, словно магнит, тянет меня возвратиться туда, назад. С невероятной, непреодолимой тягой! Кажется, я всё могу отдать, лишь бы вновь оказаться под надёжной защитой его стен, вновь погрузиться в безоблачное счастье моего детства, в те времена, когда всё в жизни казалось таким простым и ясным. Как много лучших моих дней я провела в этом доме! Они до сих пор живут в моей памяти, не дают покоя, вызывая порой чувство сладкой тоски. Ностальгией называется эта болезнь, ностальгией.

Очень много времени я проводила тогда в комнате для занятий с моей гувернанткой, мисс Прикет. Думаю, что больших хлопот со мной у мисс Прикет не возникало. К тому времени, когда она

появилась у нас в доме, я уже умела читать, поэтому моя гувернантка учила меня говорить по-французски, рисовать акварелью, вышивать и писать, читала мне интересные детские книжки. Большинство девочек из того круга, к которому принадлежала и наша семья, получали образование — если это можно так назвать — тоже от своих гувернанток. Вот если бы я родилась мальчиком, тогда другое дело. Тогда меня послали бы учиться в какую-нибудь закрытую школу, где изучают множество самых разных предметов — греческую мифологию, например, историю и математику. Девочкам знать все эти науки не считалось необходимым. Для них гораздо важнее было уметь вести себя в гостиной, принимать гостей, составлять меню праздничных обедов и ужинов, а во время них поддерживать застольную беседу. Всему этому мисс Прикет меня обучила, разумеется, но при этом, нужно отдать ей должное, никогда не запрещала мне изучать вещи, которые считаются неинтересными и даже совершенно ненужными для юных леди. Например, она охотно помогала мне осваивать географию и позволяла сколько угодно времени изучать культуру и традиции разных стран и народов, поскольку знала,

что я мечтаю, как только появится у меня такая возможность, отправиться путешествовать по всему миру. Но самым радостным для меня тогда был час, который я, спустившись в малую гостиную в сопровождении мисс Прикет, могла провести со своей мамой. Со своей любимой мамочкой.

Пуškai всего один час в день, но он полностью принадлежал мне.

Страсть моей мамы к изысканным нарядам была постоянной и неистребимой. Она всегда одевалась по самому последнему слову моды, порой даже опережая его. В этом с мамой никто не мог поспорить, даже такая модница, как я. А уж вы-то наверняка знаете, как я всегда одевалась, правда, дорогие мои? Вспомните мои бесчисленные фотографии в газетах и журналах. Вспомнили? Ну и хорошо. Так вот, моя мама была точно такой же, точно такой же. Жизнь мамы была роскошной, захватывающей, гламурной — и она по праву заслуживала такую жизнь. Мама была самой красивой и очаровательной женщиной, какую я когда-либо встречала. Она была настоящей леди.

Такая жизнь отнимает очень много времени, так что мама вовсе не должна была уделять мне часть своего времени, но она делала это. Каждый

день по одному часу, сразу после моих занятий с мисс Прикет. Спускаясь в малую гостиную по роскошной широкой лестнице нашего особняка, я уже начинала предвкушать встречу с мамой, и мне стоило большого труда удержаться, чтобы не броситься со всех ног, не скатиться кубарем по этой лестнице. Нет, я, разумеется, ничего подобного себе не позволяла, вела себя так, как подобает юной леди, и даже не визжала от восторга, увидев наконец маму. Не визжала, хотя очень хотелось. Мысль о том, что из маленькой девочки я постепенно превращаюсь в юную леди, не покидала меня с того самого дня, когда мою бывшую детскую переделали в классную комнату.

При этом мисс Прикет постоянно находилась рядом, держала меня за руку — следила за тем, чтобы я вела себя как положено. Впрочем, как нужно себя вести, я знала и без неё. Помощь мисс Прикет была нужна мне для того, чтобы правильно одеться. Что поделывать, в те времена я ещё не достигла гениального маминого уровня в искусстве подбирать идеальные ансамбли. Вот почему каждый день, перед тем как покинуть классную комнату, мисс Прикет тщательно проверяла, в каком виде я покажусь сегодня перед мамой. Я тер-

пеливо ждала, пока мисс Прикет проверит мою причёску, платье, банты и всё прочее, ждала, потому что, если мама вдруг заметит какой-нибудь беспорядок... Пусть даже самый мелкий беспорядок в моей одежде — хотя бы одну незастёгнутую пуговку, — это станет ужасным ударом для меня и чудовищным оскорблением для мамочки. Коротче говоря, классную комнату я покидала только после того, как вместе с мисс Прикет сто раз убеждалась в том, что самое красивое платье сидит на мне как влитое, а все локоны до последнего аккуратно уложены в безупречную причёску.

Малая гостиная была любимой маминной комнатой. Она считалась, если так можно сказать, её личным владением и, естественно, была обставлена с маминым изысканным вкусом. Малая гостиная, как понятно уже из её названия, была не из самых больших комнат в доме, что делало её ещё уютнее и красивее. Вся дальняя от двери стена сплошь состояла из окон и двух застеклённых до пола французских дверей, ведущих на террасу, с которой открывался вид на Белгрейв-сквер. Возле окон стоял массивный дубовый письменный стол, за которым мама вела переписку и откуда командовала всем домашним хозяйством. Почти всю

правую от двери стену занимал камин. Его широкая, длинная мраморная полка была уставлена сувенирами, которые мама и папа привозили из своих многочисленных путешествий. Помню пару замечательных зелёных нефритовых тигров, маленькие золотые часы и статую Анубиса из чёрного как ночь оникса. Анубис был египетским богом погребальных обрядов и изображался с головой собаки. В те годы я ещё слишком мало знала о смерти и обо всём, что с нею связано, поэтому искренне считала Анубиса покровителем собак. О том, чем на самом деле занимался этот бог, меня позднее просветил папа. Ну и, разумеется, здесь же лежали пригласительные билеты на всевозможные выставки, обеды и вечера, полученные из самых фешенебельных домов Лондона. Приглашений мама всегда получала много, не менее трёх за неделю.

Над камином стену украшала большая полукруглая фреска в стиле ар-деко, она намертво отпечаталась в моей памяти. Стоит мне закрыть глаза и подумать о нашем особняке в Белгрейвии, я первым делом вижу эту фреску. Нет, все детали этой фрески я описать не могу, я их не вижу, да и не нужны мне они. Просто общий вид этой